

Содержание

Часть первая. Зарница

Глава 1. Домой, в рейх?	11
Глава 2. Гроза на Дону	35
Глава 3. Отступление — на восток!	63
Глава 4. В западне	89

Часть вторая. Меж ночью и днем

Глава 1. Ждем Манштейна!	115
Глава 2. Голод и убеждения	145
Глава 3. Черное Рождество	178
Глава 4. В тумане проступили очертания	215
Глава 5. Костяная дорога	234
Глава 6. Выхода и правда нет?	250

Часть третья. На кресте прозрения

Глава 1. Обжалованию не подлежит	275
Глава 2. Что с нами сделали!	312
Глава 3. Виновен перед собственным народом	355
Глава 4. Ужасы Гумрака	378

Глава 5. Назад дороги нет	397
Глава 6. Уми и будь!	421
Глава 7. Крушение богов	474
Последний расчет	499
Послесловие автора	503

Приложение

<i>Карстен Ганзель. Возвращение после 70 лет плена:</i> роман Генриха Герлаха “Прорыв под Сталинградом” и его удивительная история	507
<i>Об издании</i>	673
<i>Благодарности</i>	675
<i>Примечания</i>	677

Часть первая

Зарница

Глава 1

Домой, в рейх?

Зима выслала своих разведчиков в волгодонскую степь. Числа шестого непривычные для начала ноября теплые погоды сменились бесснежными заморозками, превратившими грязь бесконечной распутицы в асфальт. По долгожданной тверди бодро тарахтел маленький серый “фольксваген”. Ехал он с юга, со стороны обширной низины, где окопались немецкие штабы и обозы, и направлялся в сторону станции Котлубань. Шофер, укутанный по-зимнему, как капуста, и кажущий наружу только красный нос-картошку да хитрющие глазки, дал своему железному коньку разогнаться вволю. Порой он даже отпускал руль, хоть заиндевшее стекло и мешало обзору, чтобы, наскоро стянув брезентовые рукавицы, растереть заковчневшие пальцы. Кто в мирные времена гонял по стране шести-восьмитонные махины, с таким птенчиком мог позволить себе некоторые вольности.

Офицера на пассажирском сиденье тоже пробирало до костей, несмотря на утепленную шинель и пару одеял. Он попеременно стучал одной ногой об другую, барабанил по полу или по железной стенке кузова.

— До чего холодно, просто бесстыдство! — бормотал он сквозь стиснутые зубы, не выпуская изо рта сигары. — Так и на смерть замерзнуть можно в этой жестянке!

— Это все потому, что мотор сзади, господин обер-лейтенант, — подал голос из-под обмоток шофер. — Гражданская версия получше. Там подогрев от выхлопа.

— Не очень-то вы меня утешили, дорогой, — усмехнулся офицер. — Вот, возьмите-ка и себе носогрейку! Ее выхлопом тоже пренебрегать не стоит. — Выудив из глубины одежек сигару, обер-лейтенант сунул ее шоферу в подшлемник. — К тому же не хочу показаться неблагодарным. Не знаю, как бы я без помощи этой услужливой колымаги пробирался по украинским болотам и калмыцкой пустыне. Но что она нам может понадобиться и по русской зиме, создатели явно не думали!

— Да и мы с вами тоже, господин обер-лейтенант, — а тем временем это уж вторая зима!

— И, надеюсь, последняя, Лакош. Когда-то ведь должны и ваньки выдохнуться!

Лакош задумчиво тянул сигару и стрелял глазками и носом в сторону обер-лейтенанта. Принюхивался. Обер-лейтенант Бройер, резервист, только несколько недель как прибыл в штаб дивизии начальником отдела разведки и контрразведки; он был обходительней, чем прежний начальник — энергичный капитан, строго державший дистанцию. И все же следовало быть поосторожней, знали они друг друга еще совсем недолго. Результат Лакоша удовлетворил: пахло приятельством. И вот он решил-таки задать вопрос, который мучил его уже несколько дней:

— Господин обер-лейтенант, а правду ли говорят, что дивизию теперь отведут в тыл?

Пускай служебным тайнам и надлежит покоиться за семью печатями, но если изо дня в день трясешься в одной машине по просторам вражеской страны, которые чего только в себе не таят, делишь одну мрачную дыру под названием блиндаж, ешь из одного котелка, секретов особенно и не утаить. Какое-то время офицер краем глаза косился на Лакоша, затем рассмеялся.

— Опять вы что-то прослышали, а, хитрован? Да, правда. Исполним новый приказ, там, выше по Дону, в излучине — и можно будет отправляться на зимовку в Миллерово. Только держите пока язык за зубами!

— Так значит, и отпуск снова будет?

Бройер потуже затянул шарф и промолчал. Отпуск... Вот уже больше года он не видел жены и детей. Хотя в полевом ла-

зарете, где он шесть недель лечился голодом от дизентерии, отпуск ему настоятельно рекомендовали.

— Никак не выйдет, Бройер, — ответил тогда генерал. — Сейчас каждый человек на счету. К Рождеству — возможно. Так что отлеживайтесь в блиндаже и берегите силы!

Как будто можно было беречь силы под Сталинградом! В ходе продолжительных боев с большими потерями двум гренадерским полкам удалось наконец взять тракторный завод и продвинуться вплотную к Волге. И вот эти роты, насчитывающие теперь по восемь-пятнадцать человек и оставшиеся почти без командного состава, растянулись тонкой цепью по верхней кромке крутого берега. В грязи и вшах, замерзающие и мертвецки усталые, неделями тщетно ожидающие смены. Беззащитные под огнем русской артиллерии и минометов. Малочисленных, кое-как выученных солдат, пробиравшихся к ним на подмогу, снайперы прихлопывали как мух. А внизу, на отвесном склоне, русские засели, вцепившись в землю, словно репы, и даже пикировщикам их оттуда было не вытравить. Каждую ночь с другого берега им поступало подкрепление, и они то и дело шли в контратаку, нанося урон и без того покалеченной дивизии. Как там говорил Гитлер? “Под Сталинградом у меня воюют одни разведчики!” Да, разведбаты — это все, что осталось. Поберегите силы! Конечно — целыми днями в городе на Волге, неуклонно превращающемся в руины под градом бомб и батарейных залпов, в местах сбора пленных в тылу, в полковых и батальонных штабах, прячущихся во тьме каких-то подвалов. А ночами, во время бомбежек, в яме под Городищем... Но все это было уже в прошлом. Дивизию отводят. Танковый полк, артиллерия и другие подразделения уже отступали, за ними должны были последовать гренадерские полки. На зимние квартиры! Тогда, возможно, и будет смысл подумать об отпуске под Рождество.

Если бы только не это новое задание в излучине... Говорят, что ненадолго. Что ж, скоро он узнает подробности. Размышления Бройера прервало резкое торможение. Приоткрыв дверь, Лакош выглянул наружу.

— Перекресток, — сообщил он. — Прямо поедем?

— Думаю, здесь уже нужно повернуть налево. Погодите минутку — и протрите пока стекло горячим, а то ведь совсем ничего не видно!

Обер-лейтенант выбрался из автомобиля, встряхнулся, потягивая окоченевшие конечности, и направился к выдавшему виды указателю. На стрелке, смотревшей на запад, он с трудом разобрал русские буквы: “Вертячий”.

— Налево! — крикнул он шоферу. — Еще двадцать пять километров — и Дон!

Накатанная военная дорога на Вертячий была гладкой, как шоссе, и им почти никого не встречалось по пути. Машинка стрелой мчалась на запад, прочь от Волги и Сталинграда, к берегам Дона.

— Вы, видно, торопитесь поскорее оттуда убраться, а? — добродушно осведомился офицер.

— Ах, господин обер-лейтенант, этот проклятый Сталинград!

— Ну-ну, Лакош, надо радоваться, что мы в городе! И, надеюсь, в нем и останемся. То, что мы его заняли, может сыграть решающую роль! Не время думать о жертвах, и уж точно о тех, что приносишь лично.

Лакош был на этот счет другого мнения, но промолчал. Бройер тоже замолк. После несносного однообразия последних дней и недель сегодняшний внезапный отъезд глубоко взволновал его, и он никак не мог отделаться от мыслей, что роились у него в голове. Последние сказанные им слова казались Бройеру не очень-то искренними. Не его ли самого все чаще посещало желание убраться подальше из Сталинграда? Не думал ли он и сам все чаще об отпуске, о жене и детях дома, а не о бедных солдатиках на берегу Волги? Каким же эгоистом стал он за эти три года войны! Вот и в нем зашевелился “внутренний подонок”¹, с которым надлежало всеми силами бороться. Бройер чувствовал, что должен презирать себя, но не мог в то же время отделаться и от чувства облегчения. Разумеется, нужно было во что бы то ни стало удержать город, и так оно и будет. У него в ушах до сих пор звучали слова Гитлера по случаю открытия четвертой кампании зимней помощи фронту, которые переда-

вали по громкоговорителю в лазарете: “Волга перерезана. Оккупация Сталинграда неминуема... И можете быть уверены, после этого никому не под силу потеснить нас оттуда”.

Раненые, рассеявшиеся в переполненном вестибюле или лежавшие там же вплотную друг к другу, молчали, глядя в пустоту потускневшим взором. Конечно, они в состоянии были признать военную необходимость битвы за Сталинград. Но над ними довлела тяжесть сражения, и в каждом наверняка теплилась мысль, что *он-то* уж точно пожертвовал всем, чем мог, ради взятия этих жалких развалин города на Волге, и теперь настала очередь других. Оттого они и молчали. Да и дивизия Бройера тоже принесла немало жертв. Они заслужили, чтобы на их место заступили другие. И этому они имели право радоваться!

— Вон он!

— Кто? Где? — вскакивает офицер.

— Вон там! Дон!

Оба наклоняются вперед, чтобы приглядеться. Дорога понемногу уходит под откос, внизу виднеется поселение, а за ним выется серебристо-серая полоса реки. На другом берегу приветливо клонятся небольшие тенистые рощицы, самые настоящие, о которых долгими месяцами можно было только мечтать. Машина медленно катится по почти безлюдному хутору, сворачивает на бревенчатую гать и наконец скачет по расшатанным планкам понтонного моста.

Стало отчетливо слышно, как строчат пулеметы и то и дело грохочут мощные взрывы. Отсюда недалеко до отсечной позиции, прикрывающей Сталинград с севера. В этом месте реку пока еще не затянуло, но чуть вдалеке уже виднеется кромка рыхлого тускло-серого льда. На пологом берегу раскинулись пастбища, склоны поросли кустами, оголившимися к зиме.

Дон! Бройеру вспоминается тот день, когда он пересек его в первый раз. Тогда, в конце июля, он находился намного дальше к югу. С небес припекало солнце, на дорогах, по которым они продвигались, вздымались клубы пыли, покрывая листву и траву, людей и машины желто-серой грязью. Он, Бройер, был в ту пору еще командиром роты в составе мотострелковой дивизии. Стре-

мительно прорываясь вперед, дивизия перешла реку у винодельческой станицы Цимлянской. Короткий привал позволил пропотевшим, запыленным солдатам окунуться в мощный поток, мирно раскинувшийся у их ног, словно спящий великан перевозданного мира. “Тихий Дон” — так звали его казаки. Тихими и безмолвными были и покрытые лесом берега, и виноградники, и утлые деревянные лачуги, то тут, то там проглядывающие в зелени. Не нарушал тиши и труп подбитого русского летчика, простершего восковую длань к небу, лежа на сверкающей песчаной банке посреди реки, у остова своего самолета, чьи части уже наполовину были раскиданы ветром. Но течение, с которым не могли бороться пловцы, позволяло прочувствовать скрытые силы, дремлющие в этом гиганте.

Спустя всего несколько дней все надежды на то, чтобы увидеть Кавказ и пальмовые заросли на берегу Черного моря, потерпели крах. Дивизию развернули на северо-восток, и впервые прозвучало название, сразу показавшееся Бройеру неприятным и даже предвещавшим беду — “Сталинград”. Последовал форсированный марш по унылой калмыцкой степи, где мелкий песок проникал во все щели и швы, перемалывая моторы машин, последовали щедрые на потери, но скупые на победы бои на юге, пока наконец после обходного маневра не удалось проникнуть в город с запада. И это было только начало! Развязалась ожесточенная борьба за каждый дом, каждый подвал, каждую стену и каждую развалину, рукопашные схватки один на один, борьба с невиданным количеством жертв, в которой дивизии таяли, словно снег на апрельском солнце. Еще нигде и никогда за все время войны подобного не бывало. И сейчас, три месяца спустя, борьба эта так и не была окончена...

Но для Бройера она осталась позади. С тихой радостью в сердце он наслаждался видом холмистого пейзажа, так долго скрытого от его глаз, видом рощ и хуторов. У него словно камень с души упал. Дон раскинулся за спиной; третий раз ему эту реку не перейти. Когда дивизия, отдохнув и восстановив силы, следующей весной вновь вернется на фронт, судьба Сталинградской битвы уже будет решена.

В северной части большой излучины Дона лежит хутор Верхняя Бузиновка. По долине на километр тянется узкая полоса деревянных домов, которую прерывают лишь небольшие группы деревьев, посеревшая деревянная церковь и многоэтажное кирпичное здание городского типа, в котором немецкие оккупационные войска развернули лазарет. Местность заполнили обозные отряды — здесь расположился штаб дивизии.

Прохаживаясь по комнатам деревянной избы, зондерфюрер Фрëлих раздавал приказы. Стоило ему оказаться в четырех стенах, в настоящем доме, как в нем пробудилась буржуазная тоска по цивилизации. Сунув свой ястребиный нос в каждый угол, он с удовлетворением остановил взгляд на гладкой поверхности икон, в которых отражался свет двух свечей. Всего через несколько часов здесь будет гореть электрический свет — агрегат уже собрали. Но, помимо этого, условия для достойного размещения разведбата оставляли желать лучшего.

— Чтобы к завтрашнему утру были вставлены стекла! И был стол и пять стульев! Понятно?

Бледная женщина, следовавшая за ним на расстоянии, кивнула, глядя по голове мальчонку, уцепившегося за ее подол и глядевшего на незнакомца во все глаза. Они теперь ютились в крохотном хлеву и спали под копытами у коня, которого им оставили.

— Они придут? — спросила женщина.

— Кто? — У Фрëлиха-переводчика была мерзкая привычка, разговаривая с русскими, смотреть из-под полуопущенных век так, будто собеседника тут и не было.

— Наши. То есть большевики.

На лице женщины читалось беспокойство, ведь ее муж работал на немецкую комендатуру.

— Красные? — Фрëлих хохотнул. По-русски он говорил жестко, словно молотом бил. Он был балтом. — Туда, где стоят немецкие войска, не проникнет ни один большевик, зарубите себе на носу!

“Вот дура! — подумал он про себя. — Все еще верит в батюшку Сталина!”

Вошел ефрейтор Гайбель, держа под мышкой охапку свежей соломы, и соорудил лежанку вдоль стены. Его круглое, точно тыква, лицо излучало спокойствие и удовлетворенность. Месяц за месяцем вокруг были только степь, окопы и руины — тут, в этой деревушке с непроизносимым названием, чувствуешь себя почти как дома. Если верить словам рядовых, сюда даже самолеты не долетали. Гайбель расстелил соломку, бросил сверху шерстяные одеяла и любовно их разгладил. Он был счастлив.

В соседней комнате унтер-офицер Херберт возился с большой печью. В ней уже плясал огонек. Тонкими пальцами он выуживал из миски с водой картошку, резво чистил ее и кромсал на куски. Жёлтые, как мед, ломти падали в огромную железную сковороду. Писарь Херберт, голубоглазый блондин, был в штабе за хозяйку. Он был из тех одуванчиков, которые на службе могут цвести только в тепличном климате канцелярии.

Когда картошка уже скворчала в сковородке, заглянул Лакош. Он только что подъехал, высадив обер-лейтенанта рядом со штабом дивизии для доклада. В мерцающем свете печного пламени казалось, будто его растрепанная рыжая шевелюра горит огнем.

— Херберт, старина! Жареная картошка! Я уж месяца три ее не ел, а то и все четыре. Как думаешь, я в одиночку с целой сковородой управлюсь?

— Про твое обжорство всем известно, — сухо ответил Херберт, снимая с огня кастрюлю с кипящим молоком. Лакош воспользовался случаем, чтобы стащить особо поджаристую дольку и сунуть в рот. Но Херберт все же уловил, как коротышка жмурится оттого, что обжег язык.

— Руки прочь от сковороды, грязная свинья! Пойди лапы вымой сначала!

— Поглядите-ка на него! — вскинулся Лакош. — Сам-то — из грязи в князи! Времени еще впереди полно, завтра домой не попадешь! А кстати, о сковороде — знаешь анекдот про сковороду? Говорит Антек Францеку...

— Рот закрой! — воскликнул Херберт, зажимая уши.

Лакош не был мастером на анекдоты, да и рассказывал он их без конца и невпопад. Но отказ его не расстроил.

— Хербертхен, — заискивающе протянул он, — ты нам пирог завтра испечешь? Такой желтый, добротный... У шефа еще разрыхлитель остался, ну а крестьяне пускай дадут муки.

— Черта с два, — отозвался Херберт, но было видно, что ему льстит откровенное признание его кулинарных способностей.

Лакош пододвинулся поближе и заговорщически подмигнул.

— А я кое-что знаю! Ох, что я знаю! Умереть и не встать. Но скажу, только если испечешь!

— Не говори ерунды! — буркнул Херберт. — Давай, неси сковороду — или нет, лучше кастрюлю возьми! Картошку я сам понесу!

Когда пришел Бройер, они при свете свечей расселись вокруг большой миски с картошкой, резали толстыми ломтями пайковый хлеб, пили молоко и обменивались впечатлениями о поездке.

— И кстати, передаю вам коллегиальный привет от командующего корпусом! — обратился Бройер к зондерфюреру. — Он там живет по-княжески, правда, Лакош? Свой дом, русская женщина и еще два молодца из вспомогательного состава в услужении. Да и сам их штаб... Столовая тамошняя, я вам признаюсь... Даже кино есть. Прямо как в мирное время!

— Тогда я не понимаю, почему мы сюда передислоцировались, — ответил Фрёлих, ковыряя ножом в оловянной тубе, в которой снова застрял плавленый сыр. Бройер пожал плечами.

— Там на линии фронта появилось несколько новых дивизий. Румыны запаниковали. И вот теперь мы должны поставить им подпорки, успокоить их нервы, так сказать.

— А что об этом говорит подполковник Унольд?

— “Боевой дух!” — вот что он говорит. Поднимайте боевой дух, денно и ночно! Вытащите граммофоны, игры, ящики с книгами. Мол, мы уже довольно валялись в грязи. Требуется в трехдневный срок достать фильм о Рембрандте².

Зондерфюрер рассмеялся сухим, самодовольным смехом. Значит, он вновь прав: это масштабное “задание” оказалось не чем иным, как интермедией, продолжительность которой исчислялась днями. Это как путешественник на короткой остановке

выходит поразмывать ноги и бросить беглый взгляд на проделанный путь, прежде чем пуститься дальше и никогда не вернуться назад. На самом деле характер Фрелиха не очень-то соответствовал его фамилии, означавшей “весельчак”. Он был известен своим оптимизмом, но оптимизмом не того сорта, что окрыляет людей, вселяет в них радость и делает столь привлекательными, а того, что делает их упертыми, озлобленными, несокрушимыми, точно бомбоубежище, и неизменно готовыми к обороне.

— О фильме он твердит уже не первую неделю, — продолжал Бройер. — Он им прямо-таки одержим. Не знаю, что мне и делать. В качестве награды, к слову сказать, обещал наконец наделить нас третьим адъютантом.

Отделу разведки и контрразведки полагался адъютант. С тех пор как последний погиб при бомбежке, место его оставалось свободным.

— К чему нам новый адъютант? — вставил Херберт. — Я имею в виду, господин обер-лейтенант, что раз мы все равно скоро отправимся на зимние квартиры...

Бройер взглянул в девчачье лицо унтер-офицера, по которому, пока он говорил, пробежали волны краски, точно облака по апрельскому небу. Так они и сидели, беспокоясь лишь о том, когда настанет покой и появится возможность расслабиться, и мыслями были уже далеко. Наконец Бройер промолвил:

— Если пообещаете, что никому не проболтаетесь, я с вами еще кое-чем поделюсь. Знаете, что мне в командовании сказал генерал? “Значит, вы нас только на несколько дней почтите своим присутствием — ведь вам же надо домой, в рейх!” Вот так и сказал!

— Домой, в рейх? Так как же... — Позабыв о бутерброде, Фрелих осклабил свою лошадиную челюсть — да так и остался сидеть с раскрытым ртом. — Значит, в Миллерово?

— По всей видимости, нет, не в Миллерово. По всей видимости, домой, в Германию!

Бледное лицо Гайбеля озарило изумление, точно луна взошла над полем пшеницы. Херберт взглянул на Лакоша. Тот скорчил ироничную гримасу.

— Что я говорил? — хлопнул себя по ноге Фрёлих. — К Рождеству будем дома. А весной и войне конец!

— Понимаю, господин Фрёлих, — усмехнулся Бройер. — Тогда вы снова откроете свою рыбную лавку и построите на Волге филиал по добыче лососины и икры.

Он достал из кармана ключ.

— Лакош, принесите-ка коричневую фляжку из моего сундука. Мне кажется, у нас есть повод принять на грудь! И вот еще что: с полудня сегодняшнего дня мы снова подчиняемся танковому корпусу. Так что, если снова запахнет жареным, генерал Хайнц³ как-нибудь с этим справится.

Мужчины кивнули. Все они хорошо знали молодого генерала, который воссиял на военном небосклоне яркой кометой. Еще совсем недавно он стоял во главе их дивизии — сперва в должности полковника, затем генерал-майора — и пользовался всеобщим уважением, потому что не щадил себя. С 1 ноября он командовал танковым корпусом в чине генерал-лейтенанта.

Поставив бутылку на стол, Лакош склонился к Херберту.

— Ну что, будешь пирог, тютя-матютя? — произнес он, растягивая последние слова.

Херберт кивнул и, устремив взор куда-то вдаль, улыбнулся.